

А. П. Чехов

Я погиб в первое военное лето

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
А11

А11 **А. П. Чехов**
Я погиб в первое военное лето / А. П. Чехов – М.: Книга по Требованию, 2013. –
104 с.

ISBN 978-5-4241-1319-2

ISBN 978-5-4241-1319-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Пээгель Юхан
Я погиб в первое военное лето

Юхан Пээгель

Я погиб в первое военное лето

Роман-фрагментарий

Пер. с эст. - О.Самма.

Моему возможному читателю: притом, что события в этих историях на девять десятых достоверны, пережиты, увидены и услышаны, все же это не документальная книга. Не пытайтесь искать за именами абсолютно конкретных людей.

Автор

1

Рассказ мой не будет долгим, потому что я, рядовой Яан Тамм, погиб в первое же военное лето. Одним погожим сентябрьским днем меня похоронили колхозники, согнанные из полусгоревшей деревни, в общей могиле на самом краю погоста. Этой работой руководил пожилой штабной фельдфебель одного немецкого тылового подразделения, он задыхался от жары, трупного запаха и собственной толщины и при этом похабно ругался. Здесь нас покоится не так уж много, не то что в Хилове, где похоронен почти весь эстонский батальон. Как уже сказано, в последний путь нас провожало грязное немецкое ругательство. Только несколько немолодых русских женщин украдкой плакали, а один бородастый дед крестился и охал. По правде говоря, гораздо больше хлопот фельдфебелю доставляли не мы, а собственные покойники, которых здесь было в три раза больше. Из-за этого фельдфебель и ругался. Вдобавок ко всему большую часть немцев чудовищно изрешетила картечь.

Не знаю, кто успел стянуть у меня с ног добротные юфтевые сапоги со шпорами и снял ремень. Что касается остальной одежды, так она уже ничего не стоила: все пропиталось запекшейся кровью, особенно гимнастерка. Поэтому карманы никто и не обшарил, там у меня было несколько фотографий.

На одном снимке я изображен за несколько дней до окончания школы, на другом - уже солдатом, но еще в эстонском мундире, и был еще один снимок, моментальный; по дороге на фронт мы с ребятами снялись в каком-то селении у местного фотографа. Там же лежала карточка моей девушки, очень красивый, чуть коричневатый снимок, и последнее письмо из дому, которое я получил в Северном лагере как раз накануне войны. Да, и рублей десять денег, но это, разумеется, совсем не существенно.

Все было в крови, меня ведь ударило прямо в грудь. Рядом со мной лежат еще двое ребят из нашего полка, тоже, как и я, тысяча девятьсот девятнадцатого года рождения, потом несколько пехотинцев из одной русской части и один мальчуган, которого немцы расстреляли здесь же, в ближней деревне, за то, что он бросил бутылку с горючим в их танк, потом лейтенант Рокс, за ним политрук Шаныгин, его, уже мертвого, немцы всего искололи штыками, когда обнаружили удостоверение политрука.

Не знаю, нужно ли мне считать, что я несчастнее тех, кто погиб после меня, кто вынес много солдатских тягот и прошел через бесчисленные сражения. Может быть, я даже счастливее. Особенно тех, кто погиб в последний День войны, и даже когда она уже кончилась.

Конечно, я сплю здесь против воли; я был еще очень молод, и мне так хотелось жить. Такова моя судьба, и с нею солдат должен мириться.

Только ведь все это было в конце.

Для того чтобы вы знали, почему я навсегда остался а красноватой земле Петсовщины, я расскажу вам мою историю так, как сумею.

2

В то воскресенье, когда началась война, в печорском [Печоры (по-эстонски Петсери) - город на юго-восточной границе Эстонии] Северном лагере состоялся большой митинг.

Выступал комиссар полка, лысый украинец Добровольский, переведенный к нам прошлой осенью из какой-то кавалерийской части и еще долго носивший черную бурку и красный башлык.

Смысл его речи был ясен: фашисты не победят, потому что наша армия морально более стойкая и лучше вооружена. У нас умные командиры, нами руководят партия и гениальный Сталин. У нас надежный тыл. Враг скоро будет разбит, и нас ждет победоносная дорога на Берлин.

Потом на импровизированную трибуну поднялся командир одного из дивизионов. Он коротко сказал, что полк наверняка будет хорошо воевать.

Затем выступили еще один сержант и один рядовой, молоденький грузин, с весенним пополнением неизвестно как попавший в эстонский полк. На ломаном русском языке он сказал, что дружба народов приведет: нас к победе.

В заключение спели "Интернационал".

В Иванов день со скрипом и скрежетом, в походном порядке мы двинулись в направлении Тарту.

Там был сформирован боевой состав полка. Из России пришло пополнение: мобилизованные, большей частью очень молодые и совсем мальчишки. Их сразу же остригли и выдали им обмундирование. Все было оставшимся от прежней армии: брюки солдатского сукна, сапоги фабрики "Унион", летние гимнастерки, с которых были срезаны погоны и на воротники нашиты красноармейские петлицы (черные с ярко-красным кантом). И шинели были прежнего времени, только без погон и с новыми эмблемами рода войск. Ранцы, как у немцев, с клапанами из телячьей кожи. И каски тоже немецкие - серые, времен первой мировой войны.

У крестьян со всей округи дополнительно реквизировали лошадей. Большая часть их никогда, естественно, не ходила ни в артиллерийской упряжке, ни под строевым седлом.

И орудия наши - тоже остатки первой мировой войны. Черт его знает, по кому из них когда-то стреляли: по красным, по белым или по ландсверу на подступах к Риге. Слава богу, что хоть карабины были старые русские, трехлинейные, а не английские, как в некоторых наших пехотных полках территориального корпуса. Но самой последней новинкой были, несомненно, противогазы: весьма солидная работа. Даже некоторым лошадям хватило. Только таскать тяжело, мы их потом побросали. А в сумках удобно было держать хлеб, табак, полотенце и все прочее.

Дни формирования были волнующе сумбурными. Полк отправлялся в бой, являя собой достаточно пеструю массу. И, наверно, не только внешне, не только из-за снаряжения.

В военном отношении неурядицу вносило еще и то, что среди пополнения лишь немногие люди прежде служили в артиллерии. Короче говоря, половина наших солдат была не обучена. И еще - мы, старые солдаты, и добрая доля

(особенно молодых) эстонских офицеров знали только несколько слов по-русски. Не всем даже была понятна русская команда. А русские, конечно, даже выругаться по-эстонски не умели. Так что и тут хватало неразберихи.

Никто из нас не верил, что таким образом мы сможем взять Берлин.

3

Я встретил ее - мою бывшую одноклассницу, теперь студентку - на углу улицы Густава Адольфа и Кроонуайя.

Выглядел я очень воинственно: пустой карабин на ремне на левом плече (он, как нарочно, оказывался на левом, потому что сразу же после призыва я был так обучен, а в Красной Армии оружие носят на правом плече), на поясе пустой патронташ, на спине ранец. Шпоры звенели залихватски.

- Нас отправляют, - сказал я, - всего тебе хорошего.

Мы были просто добрые знакомые, я никогда за ней не ухаживал.

- Тебе всего хорошего, - сказала она, подавая руку, - может, никогда уже больше не увидим друг друга...

- Вот еще, что же мы, ослепнем, что ли, - глупо сострил я в ответ.

Подумать только, до чего серьезно относилась ко всему девушка: на войне ведь в самом деле могут убить.

Честно скажу, до тех пор я об этом не думал.

Могут, конечно, убить, только разве именно мне на роду написано отправиться на тот свет?

И вообще, долго ли ей быть, этой войне? Через две недели станет ясно: или рука в золоте, или сам в земле.

(Я так и не узнал, что моя одноклассница, с которой мы попрощались на углу улицы Кроонуайя и Густава Адольфа, осенью того же года познакомилась с толстым и лысым немецким майором-тыловиком, которого поселили в доме ее матери (отец девушки давно умер). Майор был добрый и любезный, в трудное время вся семья жила на даримые им консервы и эрзац-кофе, смеялась его компанейским шуткам, оживлялась от его маркитантского шнапса. ("Nur für Wehrmacht!") Только такой, как я, идеалист мог бы удивиться, что осенью 1944 года эта хрупкая девушка вместе с майором, в качестве его невенчанной жены, бежала в Германию. Там выяснилось, что на родине у удачливого майора имеется упитанная супруга и прелестные детки. В лагере для беженцев моя одноклассница (вдобавок к пережитому шоку) заразилась сыпным тифом и умерла, предварительно наголо обрившая. Местонахождение ее могилы, так же как и моей, близким не известно.)

4

Мы получили разрешение и по двое, по трое направились в лавку рядом с костелом. Хотели купить курева и какой-нибудь еды, которая в жару не так быстро портится, потому что завтра рано утром должна начаться отправка на войну. Говорят, пойдем защищать побережье Северной Эстонии.

Возле самого костела нам навстречу попался пьяный:

- Здорово, эстонские ребята! Ну что, везут вас, как баранов, немцам на заклание! - разглагольствовал он. - Какого" дьявола вы вообще пустили сюда этих русских... Чертовы идиоты... Я, старый куперьяновский партизан... [Юлиус Куперьянов - легендарный командир отдельного партизанского батальона эстонской армии] - и бил себя кулаком в грудь.

Мы ушли, пусть себе дальше лопочет...

Народу в лавке было мало. Сделали свои нехитрые покупки и собрались уходить.

- Сыночки, да хранит вас бог...

У окна стояла пожилая женщина, она взглянула на нас и заплакала.

...Мама, мамочка, где ты? Как хорошо, что ты нас не провожаешь, насколько тяжелее было бы уходить...

5

Мы идем совсем не на Северное побережье. Направление наше - Печоры.

Очень раннее утро. Полк выстроен прямо на булыжной мостовой, около парка. С реки тянется туман, пахнет каштанами и липами. Лошади пронзительно ржут, фыркают, построжки и новые с иголки седла поскрипывают. С реквизированными у крестьян лошадьми просто беда: брыкаются, фокусничают, сопротивляются, никогда ведь они не ходил и ни в артиллерийской упряжке, ни под седлом.

Провожających мало: несколько заплаканных офицерских жен.

Старшина батареи Раннасте, бывший сверхсрочник кавалерийского полка, переведенный к нам прошлой осенью, на тротуаре, прощаясь, целует жену, довольно красивую и молодую, потом весьма элегантно прыгает в седло.

И тут в голове колонны раздается это роковое: П-о-л-к! Шагом м-а-а-а-р-ш-ш! Так! Кончилось мирное время, под ногами дорога войны. Запомним число: двадцать восьмое июня!

Женщины начинают в голос плакать и машут нам на прощанье.

Хотелось сказать: не плачьте. Мы скоро вернемся. В наше время войны долго не длятся. Теперь четыре года уже не провоюют.

На первом привале Раннасте курит вместе с нами и говорит, что очень устал. Всю ночь не спал, жена не оставляла в покое: только и знала, что подавай да подавай ей... будто можно это впрок сделать или с собой на дорогу взять...

Конечно, женатым тяжело уходить, а женам тяжело оставаться, только мне не нравятся такие пошлые, интимные разговоры. Кроме того, этот человек какой-то липкий, его панибратство претит. Ребята его тоже почему-то не жалуют. Наверно, поэтому Рууди и выпалил:

- А может, с собой в спичечном коробке дала...

И представьте себе, Раннасте громко хохочет. Что это за шутка. Видно, оба они с женой мало чего стоят.

6

Наверное, это был наш второй ночной привал, у какой-то реки в Вырумаа. Красивое место с водяной мельницей, потребительской кооперацией, маслобойней и школой.

Только мы сложились на пиво, как в магазин вошел загорелый мужчина средних лет, кепка низко надвинута на глаза, брюки из домотканого сукна засунуты в пыльные сапоги. Он переглянулся с хозяином, это был как бы условный знак. Потом тихонько подошел к прилавку, боком прислонился к нему, тоже заказал бутылку пива и внимательно взглянул на каждого из нас.

- Мальчики, не валяйте дурака, - обратился он к нам, понизив голос, останемся эстонцами, давайте держаться вместе! Что вас ждет в России? Немец в первый же день разобьет вас в пух и прах... Пока есть возможность - идемте в лес! По-

шлите-ка вы эту Красную Армию подальше...

Потом, придвинувшись поближе, еще тише продолжал:

- Не бойтесь, там уже есть эстонцы. Слушаем радио: немец самое позднее через неделю будет здесь. С Латвией и с Литвой дело уже в шляпе, шабаш. Сбегите ночью, приходите сюда, к лавке, отведу вас куда надо. Голода не бойтесь...

Это был запрещенный разговор. Строго-настрога запрещенный.

- А если заберут, что тогда? - обронил один из нас в наступившей тишине. - К стенке, не иначе... Неохота так глупо умереть...

- У вас же винтовки на плече... Да и в лесу люди не с голыми руками...

- У нас винтовки пустые, ни одного патрона, - ответил кто-то.

В самом деле, идем на войну, а патронов нам еще не выдали.

- Подумайте, мальчишки... Сегодня еще не поздно...

Разумеется, для нас это был вражеский разговор и нам следовало бы сразу же о нем доложить.

Только что ты можешь сказать: жизнь и обстоятельства такие запутанные. О том, что происходит на фронте, ничего не знаешь. Все время говорили, что нас из Эстонии далеко не отправят. Ладно, отправят или не отправят, а только что же здесь назревает? Гражданская война? Кого они ждут там, в лесу? Немца? До чего же это дьявольски трудный вопрос! всю жизнь только и слышали, что именно он, немец, исторический враг нашего народа. А помните, ребята, что мы делали, когда в июне сорокового года вошла Красная Армия? Снимали тавот с нового оружия. И это были немецкие карабины. Вся эстонская армия должна была перейти на унифицированное вооружение. Только почему именно на немецкое?

Два больших народа, как будто мельничные жернова, а между ними один маленький - как тебе решить? Ну да, за этот год кое-что сумели переоценить, стали лучше понимать новый строй. Я не из какой-нибудь богатой семьи, я не против того, что дали по рукам разным выскочкам, богачам и серым баронам. К тому же ведь немец напал на нас, а не наоборот. Только вот одно мне, да и многим другим, еще не ясно: что же все-таки будет с нашим народом, с нашим крохотным эстонским народом, который прошел через столько страданий и все-таки до сих пор выдержал и даже сумел свое государство создать? Что его ждет? В газетах пишут, что новый строй обеспечит полное процветание во всех областях. Здорово, если бы так было, и очень хочется верить, что так и будет. Только разве невозможно, чтобы было справедливое государство, а все-таки совсем свое, чтобы не было до него дела ни русским, ни немцам?

Помню, я спорил однажды на эту тему с Сяредем и Кирсипуу. Они говорили, что у меня национализм еще прочно сидит в печенках, хотя я боец армии, на знаменах которой написано: интернационализм и дружба между пролетариями всех стран.

Позже на политзанятиях много раз об этом говорилось, за это время были октябрьские и майские праздники, происходили и выборы, только я, честно говоря, все еще не стал вполне сознательным. Сознательный - это тоже совсем новое слово.

Ладно, как бы там ни было, а в лес я все-таки не пойду. Ведь я с ребятами почти два года пробыл, уже даже поэтому трудно вольным волком исчезнуть в

лесу. Именно волком. Там в кустах не ягнята сидят. Можно не сомневаться, там тебе прикажут убивать тех, кто был за советский строй и кого ты вообще даже не знаешь.

Нет, с ними я не пойду. Ни в коем случае, хотя я еще и не вполне сознательный.

Кто он, звавший нас? Сам устраивай свои дела! Я не пойду. Я буду честно воевать.

А два парня из второго дивизиона на следующее утро все-таки исчезли.

Ах да, еще ночью, накануне отправки из Тарту, пропали один сержант-сверхсрочник и один офицер.

7

Рууди, несомненно, самый популярный парень в батарее. Высокий, плечистый, с темными, как щетина, жесткими волосами и, что так характерно для эстонцев, большими ногами. У него было удивительно доброе сердце, но и язык - дай боже, он нередко доставлял Рууди изрядные неприятности. Именно с Рууди, когда он был еще новобранцем, происходили истории, которые потом у нас в части становились своего рода легендами.

Фельдфебель Ярвесаалу, тоже крупный дюжий мужчина с громоподобным голосом, который вечно набрасывался на солдат, застучал однажды Рууди в субботу после обеда на самом наглом отлынивании. Дело было в том, что по субботам в это время учения больше не проводились. Из казармы вытаскивали тюфяки для проветривания, выбивали пыль из одеял, а перед тем как идти в баню, предстояла еще одна муторная работа на много часов - надраивание упряжи. Фельдфебель выстраивал солдат и вел на конюшню, там каждому давали в руку тряпку, и начиналась бесконечная чистка песком всех металлических деталей на седлах, уздечках и построшках. Делать это полагалось старательно и самозабвенно. Чтобы трензеля и стремяна, кольца и медные бляхи сияли, как Моисеев лик. После нескольких часов драяния все это хозяйство покрывалось тонким слоем масла и укладывалось туда же, откуда его взяли. Обычно фельдфебель раздавал работу, оставляя за себя старшим командира отделения срочной службы, а сам отправлялся домой. По-своему это занятие было не такое уж плохое, можно про что хочешь разговаривать, и перекур разрешали довольно часто, но вообще-то все это делалось по принципу: солдату без дела быть не положено. Не то душа его может погибнуть. Эти самые бляхи совсем не были ржавыми, и другой раз приходила даже мысль: если круглый год каждую субботу в самом деле тереть их изо всех сил, так железо и медь вовсе сотрутся. Поэтому ребята, да и оставленный старшим сержант или капрал не относились к этому слишком всерьез.

В таких случаях блистал Рууди, у которого был хорошо подвешен язык. История следовала за историей, одна чище другой. Всем было весело, и время шло быстрее.

Рууди родом из северной части Тартумаа. У его отца был исправный и, по-видимому, зажиточный хутор. Только Рууди особого уважения к старику как будто не питал, хотя и считал его настоящим мужчиной. По рассказам Рууди выходило, что и отец его отменный краснойбай и бабник.

- Вся волясть полна мальчишек, похожих на моего старика, - говорил он не раз, - видать, неспроста.

Сам Рууди тоже был волокитой просто на удивление и, по его словам, имел на этом фронте необыкновенный успех. Нельзя сказать, чтобы он был таким уж красавцем, наверно, это нужно отнести за счет его красноречия и упорного стремления к цели.

И в тот субботний вечер беседой у конюшни овладел Рууди. Один из последних дней октября выдался теплым. Мы сидели в синих парусиновых комбинезонах у стены конюшни и корпели над розданной нам работой. Рууди был в особом ударе.

- Ну, сосед у нас верующий. В доме у него не прекращаются моления. Старушечки тянут песнопения и всхлипывают, сам старик читает Библию, глаза на мокром месте и борода трясется. Дочка у него - есть на что посмотреть, но близко не подпускает, мол, запрещенное удовольствие. Набожная душа... Как-то раз летом в мякиннике прижал я ее к жилетке, ничего девчонка и целоваться умеет...

И вот однажды этот богобоязненный старец едет из Тарту, а на телеге у него в наклон поставленный огромный железный крест. На всякий случай, чтобы под рукой был, если сам старикан загнется.

Мой старик подпирает грудью ворота и глядит: репникуский Куста из города едет.

- Ну, здравствуй, что это ты из Тарту везешь?

- Здравствуй, здравствуй, - отвечает тот, - видишь, привез из города крест господний, чтобы под рукой был, когда потребуется...

- А может, ты и "прости-господи" из города привез - гляди, - повторяет мой старик, - чтобы под рукой была, когда потребуется...

И тут загремел фельдфебель, прямо как труба в Судный день:

- Новобранец Вахер! Вы что тут зубами чешете! Может, вы забыли, что сейчас рабочее время? Я здесь уже четверть часа стою, ваш язык как помело ходит, а руки не при деле!

Мы все вскочили, стоим по стойке смирно. Рууди прямо перед самым фельдфебелем, никто и не заметил, как тот вынырнул из-за конюшни.

Ярвесалу орет, лицо багровое, руки растопырены по обе стороны шинели. У него вообще была такая манера: когда орал, далеко от себя руки отводил.

- Какого дьявола седло в песке валяется? К потнику песок пристанет, как рашпилем, холку коню дерет!

Рууди нагнулся, чтобы поднять седло.

- Новобранец Вахер, я не приказывал трогать седло! Стойте смирно! Еще не хватало, ворот расстегнут... грудью кормите, что ли?

Рууди вытянулся. Фельдфебель шагнул к нему, не успел он и рта раскрыть, как Рууди покраснел и что есть мочи заорал:

- Господин фельдфебель, не кричите! У меня в голове все замелькало!

Наступила жуткая тишина. Было отчетливо слышно, как в конюшне за толстой стеной из валунов терлась о стойло лошадь.

Лицо у фельдфебеля Ярвесалу из багрового стало аж фиолетовым, как самая крайняя полоса радуги. Его челюсть по-дурацки отвисла, и он несколько раз глотнул воздух.

Черт подери, он сейчас лопнет!

Нет, фельдфебель Ярвесалу не лопнул. На нем был новый кожаный ремень.

- Смирно! - рывкнул он нам, хотя мы и без того стояли, как соляные столбы.

Он вскинул перед самым носом Рууди правую руку с двумя вытянутыми пальцами, эффектно сделал правый поворот, подошел к нашему старшему, добросердечному капралу Палуотсу, и рывкнул тому:

- Доложите дежурному офицеру!

После чего безмолвно исчез за конюшней.

- Вольно! Продолжать! - скомандовал капрал.

Сидим, ни слова не говорим, молча трем дальше.

На этот раз, думаем, двумя нарядами дело не обойдется. Теперь он проходу не даст Рууди. Это уж точно.

Но мы были плохими психологами. Фельдфебель Ярвесалу хоть и набрасывался на солдат, но сам был трусливый мужичонка. Он боялся придирается к Рууди, чтобы не настроить против себя всю батарею. Это бы ему непрерывно напоминало, как постыдно над ним одержал верх какой-то бойкий на язык новобранец. Пусть все ограничится двумя нарядами - на кухне! И ограничилось. Рууди почистил свою картошку, но его "У меня в голове все замелькало!" стало ходячим выражением, и популярность была Рууди обеспечена на все время службы.

Таков был Рууди, который стал хорошим солдатом и умелым номером орудейного расчета. Тем более странной кажется его дружба с Ильмаром.

Ильмар Роос - парень с тартуской окраины. Его отец и мать были бедные люди, рабочие. Сам он тщедушный, несколько беспомощный мальчик с болезненно бледным лицом и большими выразительными серыми глазами. Служба на батарее давалась ему нелегко. Он боялся лошадей, и они это очень хорошо понимали. Наиболее хитрые устраивали ему фокусы: то не пускали его в стойло, то брыкались. Поднять строевое седло с полной сбруей на высокую лошадь явно стоило ему больших усилий. Орудия его особенно не интересовали, но зато он очень хорошо разбирался в топографии. Характер у Ильмара был на редкость замкнутый и застенчивый. Военная выправка и громкий ответ явно были не по нему.

Сразу после призыва им с Рууди выпало спать рядом. Рууди не переставал его поддевать, особенное удовольствие доставляло ему дразнить Ильмара девушками. Ты, мол, парень городской и лицом пригожий, у тебя их, небось, на каждый палец по девице приходится, донимал Рууди. Не познакомишь меня с какой-нибудь?

Ильмар от таких разговоров заливался краской. Он краснел и тогда, когда Рууди, рассказывая о своих собственных похождениях, иной раз упоминал довольно нескромные подробности. Позже он привык, уже не краснел, но было видно, что ему неловко.

Однажды мать Ильмара пришла в казарму проведать его и принесла большой пирог с капустой. Большую часть этого пирога Ильмар отдал Рууди. С этого времени Рууди делил свои гостинцы только с Ильмаром. Потом они впервые после призыва были уволены в город, и велико же было наше удивление, когда мы позже узнали, что Рууди отправился вовсе не к женщинам, а к Ильмару. Они вместе лагали забор и крыли новой крышей сарай.

Внешне между ними все оставалось по-прежнему. Рууди поддразнивал Ильмара и нес всяческую ахинею, а сам оберегал его как ребенка. Однажды,